

Сегодня. — 1995. — 8 февр. — с. 10.

Раб Библиотеки

Выставка Дмитрия Плавинского

Неизменно чувствую страшное неудобство на выставках классиков андерграунда. Вроде мне по штату положено во всем разбираться, и я старательно пытаюсь въехать. Несносная язвительная манера пригодна для сопливых ровесников и вызывает неадекватную реакцию у пожилых и много перестрадавших людей. (Мне однажды строго заметили, что безнравственно критиковать старых художников.) Лишенцы, пострадавшие от прежнего режима, ждут возвышенного дифирамба, сладкого фимиама и признания заслуг. Мерзкие археологи разматывают пелены мумий и лишают вечного покоя тела мертвых, выставляя их на зрелище и позорище. Но мы не будем таковы.

Андрей Ковалев

Плавинского в пресс-релизе его персональной выставки в галерее «Дом Нащокина» назвали легендой «другого искусства». Странное это словечко было измыслено на заре перестройки для либерального проталкивания в сферу допустимого девиантных феноменов. Но расширение сферы плюрализма («другое искусство — тоже искусство») привело в конечном счете к перемене места. Былые маргиналы превратились в конвенционалов, а художественные начальники и их либералы — в настоящего «Другого». Впрочем, диалог с Другим, другом-врагом, так и не прекратился. Никакого особенного диалога и не было, не было и особенного эстетического конфликта — одно дополняло другое на манер сямских близнецов. Эстетическое Соппротивление приобрело рифмованные формы чистой Культуры, предельного Искусства.

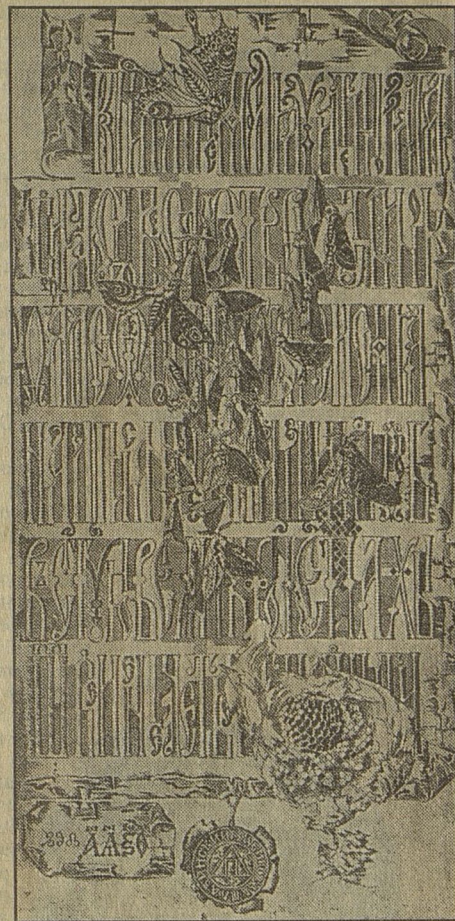
Искусство в шестидесятых представлялось формой парарелигиозной деятельности, отворачивающей и отгораживающей аутиста от окружающего враждебного и перепаленного свинцовыми мерзостями мира. Так родилась и небывалая форма эстетизма, доведенного до голого трионизма определения искусства через искусство. Но царская водка Абсолюта проедала языки и дыры в столь тщательно выстроенной цензуре сознания.

Искусство Плавинского, переполненное псевдознаками-эмблемами, само по себе подталкивает к долгой экзегетике и расшифровыванию символов. Вот Рыба, у ацтеков она обозначала жертвующего Царя; вот сова, символ Земли и Воли в марсианской мифоло-

гии. Вот обстоятельная, как лестница Иакова, живопись в сто слоев лессировок, совмещающих в фокусе весь живописный опыт всех веков и народов. Общепризнана как лучший сакральный наркотик для воспарения в высшие сферы. Нет, я не ошибся, все интерпретации равноправны и исходят лишь из вида интоксикации ценностями и культурой у самого интерпретатора, неизбежно заражающегося тяжелой афазией.

Для позитивистской экзегезы значения знаков и наполнения символов обширной метафизики возможен только один путь — психоаналитическим агрессором взломать дневную цензуру сознания и требовать трансферной контрибуции в виде догенитальной ли, аристократической ли инфантильной сексуальности, Эдипа, травмы, жажды кастрации. В любом случае можно обнаружить лишь то, что значит в любом соннике, — что в ночном мире предметы и их симулякры (т. е. подобия) никогда не равны самим себе и всегда намекают на что-то иное, каждый раз новое и невоплотимое.

Самое трудное во всей этой истории — ответить на вопрос, почему же такое искусство, метафизическое и запредельное, описывало самое себя как авангардизм. «Независимое искусство» шестидесятых — начала семидесятых оказалось абсолютно независимым, несравненно более аутентичным и имманентным культурному чернозему, чем официальное, к которому еще можно приискать некие параллели и ассоциации. Настоящая трагедия в том, что те, кого почитали за проводников чуждого, иностранного влияния, оказались далеко в стороне от общего движения современного искусства. Настоячивые поиски Абсолюта и устремление к Горнему повели в противоположном направлении. (Место проживания — Москва, Париж, Нью-Йорк — не имеет никакого значения, часто только

СВИТОК

усугубляя взаимное непонимание и имманентность.) Западные современники Плавинского, Шварцмана, Краснопевцева и Харитонova прорывались сквозь толщу трупного яда культуры, пытались персонифицироваться и приобрести индивидуальную ответственность. Культура — страшная, тоталитарная и репрессивная сила. Есть единственный способ делания искусства — разрушение культуры.

Но, как ни странно, именно прикладная метафизика шестидесятых генетически породила все другие формы современного искусства, и историческая метода элементарно доказывает отдаленное генетическое родство Лейдермана, Звездочетова или Кулика и тех добровольных пленников Библиотеки. История часто играет странные шутки со своими героями, подсовывая в качестве родственников довольно непристойных персонажей.